

РАДИКАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ РОССИИ XX ВЕКА В ЗЕРКАЛЕ ЛЕКСИКИ

Ольга Павловна СЕМЕНЕЦ,

кандидат филологических наук, доцент,
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: osemenets@mail.ru

Цитирование: Семенец, О. П. (2019). Радикальные экономические изменения России XX века в зеркале лексики // *Terra Economicus*, 17(2), 176–189. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-176-189

Язык как инструмент взаимодействия человека и окружающей действительности подвергается разного рода трансформациям при смене социокультурных эпох. На примере толкования экономической лексики и терминологии в статье показываются сдвиги в сознании носителей языка, возникшие под влиянием радикальных изменений экономики России во второй половине XX в. На материале разных изданий «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова реконструируется система экономической терминологии советской эпохи. Четко разделенная на две смысловые сферы «наше» и «чужое», она маркируется специальными словами-операторами «советский» и «капиталистический», наводящими скрытую оценочность «и это хорошо» и «и это плохо» соответственно. Для обслуживания идеологического заказа в практике создания словарных толкований разработано пять разных способов скрытого внедрения необходимых политизированных установок: от использования оценочной лексики до различных комментариев, нужным образом деформирующих смысл поясняемых слов. Трансформирующаяся в постсоветскую эпоху экономическая модель приводит к сдвигам как в сознании носителей языка, так и в понимании экономической лексики, что отражено в новых редакциях словарей. Последовательный отказ от принятых ранее способов маркирования лексики приводит, с одной стороны, к деидеологизации экономической терминологии, с другой – к формированию общего, преимущественно научно обусловленного арсенала языковых единиц.

Ключевые слова: словарное толкование; экономическая лексика; идеологизация; деидеологизация; картина мира; ценностная модель

RADICAL ECONOMIC CHANGES IN RUSSIA OF THE TWENTIETH CENTURY IN THE MIRROR OF VOCABULARY

Olga P. SEMENETS,

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor,
Herzen State Pedagogical University,
Saint Petersburg, Russia
e-mail: osemenets@mail.ru

Citation: Semenets, O. P. (2019). Radical economic changes in Russia of the twentieth century in the mirror of vocabulary. *Terra Economicus*, 17(2), 176–189. DOI: 10.23683/2073-6606-2019-17-2-176-189

Language as a tool of interaction between man and the surrounding reality undergoes various transformations during the change of socio-cultural epochs. By the example of the interpretation of economic vocabulary and terminology, the article shows the shifts in the consciousness of native speakers that arose under the influence of radical changes in the Russian economy in the second half of the twentieth century. The system of economic terminology of the Soviet era is reconstructed on the basis of various publications of the «Explanatory dictionary of the Russian language» by S. I. Ozhegov. Clearly divided into two semantic spheres, «our» and «alien», it is marked by special words-operators: «Soviet» and «capitalist», inducing hidden evaluability of «and it is good» and «and it is bad» respectively. To serve the ideological order in the practice of creating dictionary interpretations, five different ways of covert implementation of the necessary politicized settings were developed: from the use of evaluative vocabulary to various comments, which distort the meaning of the words as necessary. The economic model transformation in the post-Soviet era leads to shifts both in the minds of native speakers and in the understanding of economic vocabulary, which is reflected in the new editions of dictionaries. Consistent rejection of the previously accepted methods of marking vocabulary leads, on the one hand, to the de-ideologization of economic terminology, on the other – to the formation of a common, mainly science-based arsenal of language units.

Keywords: dictionary interpretation; economic vocabulary; ideologization; de-ideologization; world view; value model

JEL classifications: A12, A13, A33, Z13

Общие положения

В 1995 г. вышла в свет монография, которая стала знаковой для отечественной лингвистики. Наталья Александровна Купина представила научной общественности первое комплексное исследование тоталитарного языка советской эпохи (Купина, 1995). На материале «Толкового словаря русского языка» (под редакцией Д.Н. Ушакова), а также текстов разной жанровой принадлежности она показала, что «новояз», так точно описанный в известной антиутопии (Orwell, 2018) как способ манипулирования сознанием простых граждан, не столько художественный вымысел писателя, сколько реальность тоталитарной системы. Н.А. Купина убедительно проиллюстриро-

вала конкретным языковым материалом тезис о том, что особым образом сконструированный лексикон создавал строго контролируемое идеологией смысловое пространство, определяющее как сознание конкретного носителя языка, так и социума в целом. Особенно сильному политическому контролю, по мнению исследователя, подвергались важнейшие сферы жизни человека: политика, философия, религия, этика и культура. Семантика слов, передающих эти отношения, претерпевает, согласно метафоре Н.А. Купиной, «идеологическую коррозию». Однако за пределами внимания автора незаслуженно, на наш взгляд, оказалась сфера экономики.

Таким образом, важнейшей исследовательской проблемой является необходимость охарактеризовать особенности идеологической деформации значений слов, описывающих экономические отношения в советскую эпоху. Немаловажным является анализ того, как радикальные изменения экономических отношений в России конца XX столетия отразились на семантической системе русского языка, и в частности в словарных толкованиях лексических единиц.

Целью настоящего исследования является изучение смысловых сдвигов в трактовке экономических терминов и понятий русского языка, обусловленных динамикой социокультурной ситуации второй половины XX в. Для достижения этой цели предполагается реконструировать лексико-семантическое поле «Экономика» в языке советской эпохи и затем показать его изменения в постсоветский период. Также данная цель предполагает выявление и характеристику способов словарной интерпретации единиц, отражающих экономический опыт языковой личности во времена Советского Союза и в эпоху становления новой парадигмы экономики.

Наблюдения за трансформацией толкований дают возможность установить, как переосмысление экономической терминологии отражает изменения в русском языке второй половины XX в. (Ryazanova-Clarke & Wade, 2002), а также показанной в нем ценностной модели мира россиян, зафиксировать быстро меняющуюся под влиянием экономических факторов «лингвистическую реальность» (Mukharlyamova, Alendeeva & Ashrapova, 2016). Изучение принципов идеологической деформации лексики, в том числе терминологической, позволит уточнить некоторые положения изучения термина как единицы лексической системы и элемента научной картины мира (Cabré-Castellvi, 2003).

Полученные данные об особенностях советской и постсоветской интерпретации экономической терминологии целесообразно учитывать в контексте межкультурной коммуникации (Mirzoyeva, 2014), поскольку игнорирование экстралингвистических факторов, как, например, историко-культурный фон и концептуальная картина мира, могут создавать коммуникативные помехи и препятствовать эффективному общению. Особенности словарного толкования экономической терминологии, особенно в словарях советской эпохи, необходимо учитывать в практике перевода специализированных текстов (Melnichuk & Osipova, 2016), чтобы точно отразить национальную картину мира.

Сопоставительный анализ разных изданий «Толкового словаря...» С.И. Ожегова дает интереснейший материал для изучения специфики бытования экономической терминологии, ее идеологизации и деологизации в разные культурно-исторические периоды. Будучи системой ценностных установок социума, закрепленных официальной государственной властью, «advocating a particular pattern of social relationships and arrangements» (Hamilton, 1987: 38), идеология отражается в семантике, поэтому смена политических режимов и экономических моделей фиксируется в том числе собственно лингвистическими инструментами.

Идеологической основой словарных толкований экономической лексики для обычных носителей языка было представление о том, что советская экономическая модель являет собой наиболее прогрессивную форму, в то время как капиталистическая подвергалась жесточайшей критике. Этот принцип реализовывался последовательно и во

многих других областях, в том числе, например, и в практике преподавания экономических дисциплин в СССР (Brue & MacPhee, 1995: 183).

Словарные дефиниции разных эпох отражают изменения во внеязыковой действительности (например, политике, экономике), а следовательно, в сознании носителей языка, так как «наиболее подвижна под влиянием социальных процессов семантическая система» (Шаховский, 2015: 9). Поскольку именно социальные процессы и их влияние на состояние языка определяют «специфику... как предметной области, так и ее дискурсивных практик» (Тлехатук, 2017: 28), то рассмотрение лингвистических процессов, происходящих в лексике в целом (Yelenevskaya, 2006) и экономическом словаре в частности, невозможно без учета культурно-исторического контекста.

Методом сплошной выборки из словарей (Ожегов, 1953; Ожегов, Шведова, 1994) был сформирован перечень лексем, объединенных в лексико-семантическое поле «Экономика», определяемое как совокупность слов, имеющих общие компоненты значения (Караулов, 1972: 57). Эта лексическая парадигма представляет собой сложно организованную систему (Аксютенкова, 2008), обладающую такими признаками, как «взаимосвязанность элементов, их упорядоченность и иерархичность» (Куренкова, 2006: 176). Имея ядерно-периферийную структуру, лексико-семантическое поле членится на различные микрополя, объединяющие единицы по нескольким общим семантическим признакам. Ядро лексико-семантического поля, а также входящих в него микрополей «консолидируется вокруг компонента-доминанты» (Стернин, 1985: 31), обладающего максимальным количеством интегральных семантических признаков, свойственных всем единицам данной парадигмы.

Ключевые термины исследования

Лексико-семантическое поле «Экономика» объединяет слова, вербализующие экономический опыт языковой личности, среди которых можно выделить четыре группы языковых единиц – микрополей. Ядром поля является «экономическая» (Белякова, 2017; Камари, 2016; Малкова, 2016), т.е. «базисная» (Зарипова & Акимова, 2013) или «общеекономическая» (Корнеева, 2008), терминология («инфляция», «демпинг», «ипотека», «капитал», «акциз», «заем», «собственность»): лексические единицы, характеризующиеся в первую очередь однозначностью, или моносемичностью (Малкова, 2016: 130), и употребляющиеся большей частью в специализированных текстах. Ближнюю периферию, или приядерную зону, составляют наименования различных форм осуществления хозяйственной деятельности, видов организаций и предприятий («колхоз», «совхоз», «ферма», «кооператив», «банк», «биржа»), а также наименования лиц, осуществляющих различные экономические операции («предприниматель», «купец», «кулак», «фермер», «меценат», «банкир»). И дальнейшая периферия – это общественно-политическая лексика («эксплуатация», «капиталистический», «советский», «социалистический», «социализм», «капитализм», «буржуазия»).

Подобная структура лексико-семантического поля обусловлена большей значимостью лексем, описывающих экономическую научную картину мира, в сравнении с нетерминологической, обиходной лексикой, принадлежащей наивной картине мира. Такая организация макропарадигмы связана с тем, что при лексическом представлении любой профессиональной сферы на типичные лексические связи накладываются структуры терминологического аппарата соответствующей науки (Борщевская, 2012: 9), поэтому специальные номинации группируются по двум параметрам: в соответствии с системными связями внутри терминологической системы и в соответствии с реальной речевой практикой.

Отметим также, что к центру поля экономической лексики тяготеют единицы, обладающие в силу своей терминологической моносемии меньшим количеством значений, к периферии же увеличивается полисемия, т.е. количество многозначных слов, что обеспечивает их вхождение в другие парадигмы. Именно поэтому общественно-

политическая лексика оказывается на периферии, являясь одновременно элементом смежных полей «политика» и «идеология». Поскольку экономическая наука «изучает законы и понятия экономической деятельности, а также ряда смежных с ней сфер» (Тихонова & Яруллина, 2018: 166), то слова, находящиеся на периферии лексико-семантического поля «Экономика» и одновременно входящие в периферии смежных с ним полей, отражают наложение не только понятийных зон, но и стоящих за ней областей внеязыковой действительности.

Отличительной чертой идеологически значимых лексико-семантических полей тоталитарной модели мира является полифункциональность входящих в них лексем. Они не только называют конкретные предметы и реалии, но и являются единицами, организующими смысловое пространство таким образом, чтобы оно отражало господствующую ценностную модель мира, т.е. «социальные предписания, существующие в данном обществе» (Уфимцева, 2011). Для языка советского периода в целом характерно четкое структурирование любого лексико-семантического поля, связанного с идеологией. Внутри такого поля выделяются две противопоставленные семантические доминанты, остальные лексические единицы группируются вокруг них, получая, соответственно, положительную или отрицательную оценочность (Семенец & Башкова, 2016).

Базовой оппозицией тоталитарной модели мира, экстраполированной на все идеологически значимые фрагменты языкового осмысления действительности, в том числе и экономики, является противопоставление «советского» и «капиталистического», за которым стоит «примитивная дихотомия «свой» – «чужой»» (Найдич, 1995: 89). Именно так в советскую эпоху «речью насаждались политический дальтонизм, черно-белое, а точнее, красно-белое видение мира». (Хан-Пира, 1991: 13). В основу этой оппозиции положен нейтральный психологический и языковой механизм категоризации действительности, выраженный «одной из ведущих антиномий любого социума – “свой – чужой”» (Самотик, 2012: 96), однако в идеологическом контексте он становится сильнейшим инструментом манипулирования сознанием через стратификацию ценностной модели мира.

Экономическая лексика в словаре советской эпохи: общая характеристика

Все без исключения дефиниции слов лексико-семантического поля «Экономика» в толковом словаре советской эпохи (Ожегов, 1953) содержат идеологические предписания, в результате чего вся лексика разделяется на две группы. Каждая из них характеризуется диаметрально противоположной оценочностью, наведенной в соответствии с принадлежностью к одной из двух противопоставленных политико-экономических систем.

Первая группа – слова «эксплуатация», «капитализм» и «буржуазия», отражающие часть идеологической оппозиции «чужое». Они являются маркерами ценностных доминант советской картины мира и, будучи включенными в словарное толкование, становятся средством создания негативной оценочности описываемых предметов и реалий. Так, в толковании лексемы «капитализм» содержатся указания на то, что это «общественно буржуазный строй, основанный на эксплуатации», что подчеркивает неразрывную смысловую связь этих оценочных слов. Триада «капитализм – эксплуатация – буржуазный» и их производных максимально усиливает негативность оценки, которая экстраполируется на другие, казалось бы, нейтральные выражения, содержащиеся в этой дефиниции: «частная собственность» и «извлекаемая прибыль» становятся негативно маркированными в силу их принадлежности «капиталистам». Такая оценка закрепляется словами «гибель», «безработица», «нищета», представленными в иллюстративном материале толкования. В качестве примеров типовых контекстов для слова «капитализм» в словаре выступают советские политические лозунги, в том числе: «Гибель капитализма и победа коммунизма неизбежны».

При толковании слов этой группы используется особый прием – указание на ограниченность сферы их употребления. Так, толкование слова «эксплуатация» начинается с конструкции «в условиях капиталистического общества», которая указывает на принадлежность этого понятия враждебной советскому человеку идеологической системе. Негативная оценка усилена трижды: во-первых, речением, содержащим оценочный эпитет «жестокая», характеризующий эксплуатацию; во-вторых, указанием на то, что подобное действие может осуществляться «капиталистами» в отношении «трудящихся»; и, наконец, декларативным суждением о том, что социалистическое общество уничтожило эксплуатацию.

Словарные дефиниции семантических доминант содержат разнообразные оценочные маркеры. Среди них можно выделить два: слова с выраженной в языке коннотацией и единицы с идеологически наведенной оценочностью. Например, в толковании слова «буржуазия» явно выраженную отрицательную коннотацию содержит выражение «ярый враг социализма», скрытая же оценочность заложена в выражениях «класс капиталистического общества», «эксплуатирующий» наемный труд.

В целом при толковании семантических доминант, связанных со смыслом «чужое», активно используется негативно-оценочная лексика, на нейтральные единицы контекстом наводятся отрицательные коннотации, что подчеркивается помещенными в толкование советским штампами и лозунгами.

Вторая группа, противопоставленная словам-доминантам смысловой зоны «чужое», связана с советской экономической системой. Единицы, соотносимые с полюсом ценностной модели мира «наше» («советский», «социализм», «пролетарий»), маркируются исключительно положительно. Словарные толкования этих понятий содержат другие семантические доминанты. Например, в толковании слова «социализм» представлена оценочная триада «коммунизм – революция – пролетарский», через которую социальный строй и его экономическая модель получают положительную коннотацию. Примечательно, что в данной дефиниции дискредитируется буржуазия через выражение «свержение господства» и утверждается власть пролетариата через лексему «диктатура». Статья также завершается советским лозунгом «От каждого по способности, каждому по труду», что закрепляет положительную оценку.

В этом и подобных толкованиях содержатся идеологемы, имеющие скрытую положительную оценочность за счет связи с ключевой оппозицией советской модели мира, а точнее ее положительным полюсом «наше». Наведение оценок осуществляется через слова-операторы: «государственный», «диктатура», «рабочий», «идеологически выдержанный», «Советы», «интересы», как, например, в слове «советский», в толкование которого включены выражения: «власть Советов», «страна Советов», «диктатура рабочего класса», а также экспрессивная конструкция «идеологически выдержанный, преданный интересам и задачам социалистического строительства».

Иногда положительная оценочность создается за счет использования лексических доминант, связанных со сферой «чужое» («капитализм», «буржуазия»), несущих негативную оценочность, однако, помещенные в иной, отрицательный контекст посредством лексем «лишенный», «угнетаемый», «свержение» и тому подобных, они создают положительную коннотацию. Так, при толковании слова «пролетарий» используется выражение «лишенный средств производства» капиталистами и «угнетаемый» буржуазией. Изображение бесправного существования пролетария в контексте описания враждебной экономической системы подчеркивает принадлежность соответствующей лексемы к идеологическому полюсу «наше» тоталитарной модели мира.

Анализ рассмотренных толкований показывает, что слова, связанные с доминантами ценностной модели мира («советский» и «капиталистический»), становятся ее операторами, т.е. средством маркирования экономических терминов. Эти слова-маркеры последовательно включаются в каждое словарное толкование и разделяют лексику на «два враждебных лагеря», с помощью чего выражается оппозиция «свое» – «чужое»,

при этом наводится идеологически обусловленная оценочность: сфера «свое» оценивается со знаком плюс, в отличие от «чужого» со знаком минус.

Способы идеологического маркирования экономической лексики

Все элементы лексико-семантического поля «Экономика» толкуются и маркируются в словаре за счет использования лексических доминант данной парадигмы. Среди основных способов идеологического маркирования экономической лексики можно выделить пять.

Первый, самый популярный, представляет собой наведение оценочности путем использования самих лексем-доминант, которые напрямую выражают принятую в обществе ценностную модель мира. Введение в словарные дефиниции лексем «буржуазия», «капитал», «эксплуатировать» и их производных формирует скрытую негативную оценочность, которой противопоставлена положительная, передаваемая словами «советский», «социалистический». В толкованиях понятий, связанных с капиталистической экономикой, используются семантические доминанты сферы «чужое»: «кулак» («эксплуатирующий батраков, бедняков»), «купец» («капиталист», «торговец-эксплуататор»), «акция» (ценная бумага, удостоверяющая взнос в «капиталистическое предприятие», дающая право собственности «капиталисту»). Напротив, в дефинициях слов, связанных с советской экономикой, представлены слова сферы «свое»: «торгпред» («глава советского торгового представительства»), «колхоз» (форма «социалистического типа коллективного сельского хозяйства»), «совхоз» («социалистическое сельскохозяйственное предприятие»).

Вторым способом маркирования слов лексико-семантического поля «Экономика» является использование общеупотребительной оценочной лексики. С помощью лексем «враг», «тяжело» явление оценивается как плохое, нежелательное: «капиталист – враг трудящихся», «эксплуататор – враг трудящихся», «акциз – косвенный налог... тяжело отражающийся на жизненном уровне трудящихся». Превосходной степенью слова «высокий» положительно оцениваются определения реалий советской экономической системы, как, например, в толковании терминологического сочетания «сельскохозяйственная коммуна» («высшая форма коллективного сельского хозяйства с полным обобществлением средств и процессов производства, потребления и их обслуживания»), благодаря чему советская система представляется как явление более высокого уровня экономического развития, чем капиталистическая.

Третий способ маркирования единиц лексико-семантического поля «Экономика» – собственно лексикографический, связанный с использованием в толкованиях ареального лексикографического параметра, т.е. указания на сферу употребления слова, а именно привязки к месту бытования указанной реалии. Такими указаниями являются ставшие лексикологическими клише фразы типа: «в буржуазно-дворянском обществе», «в буржуазных странах», «в капиталистическом обществе», «в буржуазном обществе», с которых начинаются, к примеру, толкования слов «меценат», «биржа», «банкротство». Ограниченность употребления этих лексем, на которую указывают такие уточнения, намекают носителю языка, что называемые реалии не характерны для советской экономики и действительности в целом.

В рассмотренных примерах уточнение является особой зоной толкования, предупредительно выставляющей идеологические ориентиры при употреблении данных слов. Толкования, где такие ограничители включены в саму дефиницию, встречаются реже, в этом случае они помещены в конец (вторая сильная текстовая позиция после начала), как в случае со словом «банкир» – «владелец или крупный акционер банка в капиталистических странах». Также ограничители могут быть представлены в иллюстративном материале, например, указание на то, что слово «фермер» не относится к советской экономике, отражено в сопровождающем толкование речении «разорение американских фермеров». В качестве еще одного примера можно привести отнесение

слова (а также стоящего за ним понятия) «инфляция» к враждебной системе экономики, что прямо выражено в иллюстративном материале: «Инфляция характерна для экономики капиталистического общества». Следует отметить, что лексемы, снабженные соответственными ареальными маркерами, позиционируются как реалии чужой, идеологически противопоставленной реальности, как атрибуты иного, неодобряемого социального мироустройства.

Четвертый, наиболее излюбленный, явный способ оценивания лексемы, а следовательно, стоящего за ним понятия или явления, – подкрепление толкования идеологически значимыми цитатами, лозунгами и выражениями, прямо и открыто транслирующими идеологию советской модели мира. Примечательно, что в использованные речения активно включаются и лексические доминанты, и собственно оценочная лексика. Если в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова для этих целей активно используются, прежде всего, цитаты классиков марксизма-ленинизма (Купина, 1995), то в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова (1953) – анонимные, неавторские речения. Так, слово «базис» сопровождается комментарием о том, что «в Советском Союзе ликвидирован старый капиталистический базис и построен новый, социалистический базис», в качестве контекста, показывающего употребление слова «заем», приводится фраза: «Советские займы – вклад трудящихся в великое дело социализма».

И, наконец, пятым, редким именно для группы экономической лексики, способом маркирования лексем является использование оценочных помет. Он представлен в толковании слова «собственнический», отмеченного как «неодобрительное». Этот способ не исключает использование других средств наведения оценки как слова-доминанты в толковании («свойственный эксплуататору»), скорее, наоборот усиливает его.

Интересно в данном контексте бытование в рассматриваемом лексико-семантическом поле лексемы «собственность», представленной в двух значениях: как «имущество» и как «принадлежность». Толкование этого слова по сути содержит типологию всех видов собственности и их идеологическую оценку. Выражение «государственная собственность» оценивается положительно через маркер «социалистическая», в то время как «частная собственность на землю» представлена как негативная посредством контекста («Великая Октябрьская революция отменила частную собственность на землю»). Вместе с этим словарь показывает, что ряд форм частной собственности существует в советском государстве, так как в иллюстративном материале присутствует выражение «приобрести автомобиль в собственность», однако уточнитель «частная», скомпрометированный предыдущим контекстом, опущен. Таким образом, сопровождающие толкование цитаты-речения, вводя энциклопедическую информацию, указывают все виды частной собственности: допустимый (на автомобиль, т.е. предметы личного пользования) и недопустимый (на землю). Отсутствие прямой оценочности обусловлено тем, что данное понятие не может быть интерпретировано однозначно в связи с наличием разных видов собственности, которые, в свою очередь, соотносятся с разными экономическими системами, а значит, с обоими идеологическими полюсами.

Таким образом, мы видим, как четко сформированная идеологическая модель мира, построенная на разделении смыслового пространства на два враждебных друг другу политических лагеря, транслируется через особым образом организованные толкования слов, входящих в лексико-семантическое поле «Экономика», что формирует особые стереотипы в языковом сознании носителей языка.

Трансформация словарных толкований экономической лексики в словарях перестройки

Демократизация и либерализация привели к изменению политической (Lukin, 1999), а следовательно, и экономической ситуации в стране, что не могло не сказаться на языковой ситуации и напрямую затронуло экономическую лексику. Процесс, за-

родившийся в эпоху перестройки, можно определить как деидеологизацию экономической терминологии. Некоторые исследователи определяют его также как семантический процесс деполитизации (Зайцева, 2019: 233). Прежде всего, это отражается в переосмыслении семантических доминант поля «Экономика». Как показывает анализ «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1994), претерпевают изменения словарные дефиниции соответствующих лексем за счет упразднения языковых маркеров советской ценностной модели мира. Например, словарная статья «капитализм» сохраняет только производную лексему «класс капиталистов», все остальные семантические доминанты оказываются изъятыми, за счет чего толкование становится лишенным советской идеологической оценочности. Теперь этот социальный строй трактуется как общественная формация, сменившая феодализм, собственниками производства в которой были капиталисты. Эти и подобные трансформации значения являются общей тенденцией языка постсоветской эпохи – отказом от оценочности или переосмыслением оценочного компонента значений русской лексики в эпоху перестройки: «the changes in connotative meaning have occurred as part of a fundamental semantic change... after perestroika» (Rajewsky, 2000: 21).

В новых толкованиях эпохи перестройки резко положительная или отрицательная советская оценочность нивелируется за счет изъятия слов-доминант модели мира. Так, например, в дефиниции «эксплуатация» опущены слова триады «капиталистический – буржуазный – эксплуататор», и хотя понятие описывается через процесс «присвоения результатов чужого труда», однако субъект не называется, а только указывается: «теми, кто владеет средствами производства».

В целом толкования становятся коннотативно нейтральными, эмоционально более сдержанными. Несмотря на то что в дефиниции слова «буржуазия» сохраняется ареальный ограничитель «в капиталистическом обществе», на месте традиционной советской оценочной триады остаются только производные от «буржуазия»: «крупная буржуазия», «финансовая буржуазия», «мелкая буржуазия». Изменившееся толкование не содержит ни одного идеологического маркера, буржуазия характеризуется всего лишь как «класс собственников производства». В этой словарной статье, как и во всех других, описывающих экономические понятия, теперь последовательно опускаются цитаты иллюстративного материала, транслировавшие идеологические установки предшествующей эпохи.

Изменение экономической модели общества, начавшееся в эпоху перестройки, повлекло за собой переструктурирование обслуживающего его арсенала языковых средств (Нечай & Кондратьева, 2014). Новые словарные дефиниции фиксируют идеологические сдвиги в общественно-политической и экономической жизни страны, отраженные в снятии оценочности при толковании экономической лексики. Особенно это заметно на примере переосмысления слова «социализм», определяемого теперь как строй, в основе которого лежат «общественная собственность на средства производства» и «принципы социальной справедливости, свободы и равенства». Далее в статье упоминаются и поясняются такие формы социализма, как утопический и христианский. Введение в дефиницию этих словосочетаний отражает формирование новых идеологических ориентиров и ценностей. Примечательно, что в контексте перестроечного ренессанса религиозной терминологии, а также стоящей за ней модели мира, в картине мира россиян формируется новое лексико-семантическое поле «Религия», а лексема «социализм» деидеологизируется, а значит, смещается к периферии поля экономической лексики.

В целом экономическая терминология, лишенная оценочных и идеологических маркеров при словарном описании, освобождается от жесткой закрепленности с ценностной моделью мира, при том что сама эта модель начинает разрушаться в эпоху перестройки.

Происходит постепенная деидеологизация и самих доминант лексико-семантического поля «Экономика», что по принципу домино сказывается и на всех остальных

элементах данного смыслового пространства. Толкования лексем, связанных с экономикой, в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (1994) полностью или частично освобождаются от идеологического диктата, например, из определения слова «акциз» изымаются ограничитель «в капиталистических странах» и оценочное пояснение «тяжело сказывающиеся на жизненном уровне трудящихся».

Экономическая лексика начинает сопровождаться новым типом помет, указывающих на их терминологическую природу: «инфляция» (книжное), «ипотека» (специальное). В эпоху перестройки появляется новый принцип толкований, ориентирующий составителей словаря на отражение научной картины мира. Так, в трактовку термина «инфляция» включена энциклопедическая информация об экономической природе данного явления через указание на соотношение «бумажных денег» и «государственного золотого запаса».

Отличительной особенностью новых толкований экономической лексики является полное отсутствие ареального параметра, что свидетельствует о расширении сферы употребления соответствующих лексем. Например, из определения слова «биржа» изъят ограничитель «в буржуазных странах», но расширяется и уточняется часть, проясняющая характер осуществляемых экономических сделок. На смену идеологизированному определению приходит нейтральное научное: биржа теперь определяется как учреждение, осуществляющее коммерческие операции с тремя видами ресурсов: валютой, ценными бумагами и товарами.

Переосмыслению активно подвергаются названия субъектов экономических отношений. Так, слово «кулак», определяемое в предшествующую эпоху как эксплуататор, с которым необходимо покончить, получает нейтральную дефиницию «богатый крестьянин-собственник», а переносное значение «скупой, корыстный человек» лишено каких бы то ни было идеологических подтекстов. Лексема «капиталист», хоть и сохраняет указание на соотношение с реалиями капиталистического общества, однако трактуется безоценочно как собственник, который пользуется наемным трудом. Формирование положительной оценочности у этой ранее негативно маркируемой лексики фиксируется через возникшее именно в эпоху перестройки переносное шутовское значение «разбогатевший человек». Оценочность второго, переносного значения связывается теперь не советской системой установок, а ориентируется на общечеловеческие ценности.

Таким образом, изъятие тоталитарных слов-маркеров из толкований словаря эпохи перестройки демонстрирует, как под влиянием экономических и социокультурных изменений происходит «мутация ценностных ориентаций» (Andrews, 2011), отражаемых экономической лексикой.

Выводы

Размывание двуполярной системы экономических воззрений, снятие оценочности «хорошо» – «плохо», стоящей за ушедшей в прошлое оппозицией «свое» – «чужое», приводит к формированию представления об общем универсальном поле экономики. Универсальность экономической терминологии становится наиболее востребованной в период глобализации (Zaripova & Fominykh, 2015) и, вероятно, будет диктовать новые тренды в принципах словарной дефиниции этой лексики.

Подводя итог, отметим, что сопоставительный анализ изменений, произошедших в способах толкования слов лексико-семантического поля «Экономика» словаря С.И. Ожегова советской и постсоветской эпох, выявил два языковых процесса. Во-первых, последовательный отказ от идеологически обусловленной оценочности, а значит, противопоставления советской и капиталистической экономических систем. Во-вторых, изменения в структуре и принципах словарных толкований как экономических слов, так и лексики в целом. Словарные толкования также фиксируют динамические процессы в картине мира и языковом сознании россиян. Деидеологизирован-

ные трактовки экономических терминов и других слов, определяющих экономические отношения в обществе, показывают разрушение старой, советской ценностной модели мира и формирование нейтрального, общенаучного подхода к описанию этой сферы в толковых словарях. На протяжении второй половины XX в. происходят отказ от интерпретации экономических отношений в системе дихотомии «свое/хорошо» – «чужое/плохо» и выстраивание универсального, общего для разных политических систем представления об экономике, лишённого какой бы то ни было оценочности.

ЛИТЕРАТУРА

Аксютенкова, Л. Г. (2008). Экономическая терминология как аспект и средство концептуализации экономической картины мира: системно-функциональный анализ // *Культурная жизнь Юга России*, (1), 107–108.

Белякова, Н. С. (2017). Лексико-семантические поля экономических терминов (на материале англоязычного учебно-академического текста) // *Ogarov-online* (<http://journal.mrsu.ru/arts/leksiko-semanticheskie-polya-ekonomicheskix-terminov-na-materiale-angloyazychnogo-uchebno-akademicheskogo-teksta> – Дата обращения: 08.02.2019).

Борщевская, Т. С. (2012). Термины и терминоиды в лексико-семантическом поле «Менеджмент». *Автореф. дисс... канд. филолог. наук*. СПб.

Зайцева, Т. Н. (2010). Влияние социальных факторов на языковые изменения в сфере современной экономической терминологии // *Известия МГТУ «МАМИ»*, (1), 232–234.

Зарипова, А. Н., & Акимова, О. В (2013). Специфика экономической терминологии (на материале немецкого, русского, татарского и английского языков) // *Вестник Чувашского университета*, (1), 148–152.

Камари, Д. М. (2016). Лексическая интерференция при изучении русскоговорящими испанской экономической терминологии // *Преподаватель XXI век*, (2-1), 218–223.

Караулов, Ю. Н. (1972). Структура лексико-семантического поля // *Филологические науки*, (1), 57–68.

Корнеева, А. Ю. (2008). Активные процессы в русской экономической терминологии последних десятилетий // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*, (5), 54–63.

Купина, Н. А. (1995). *Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции*. Екатеринбург – Пермь: Изд-во Урал. ун-та.

Куренкова, Т. Н. (2006). Лексико-семантическое поле и другие поля в современной лингвистике // *Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М. Ф. Решетнева*, (4), 173–178.

Малкова, И. Ю. (2016). Экономические термины как объект лексикографического описания в учебном словаре для инофонов // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, (7-2), 129–131.

Найдич, Л. Э. (1995). *След на песке: Очерки о русском языковом узусе*. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Нечай, Ю. П., & Кондратьева, Т. С. (2014). Формирование экономической терминологии в лексической системе современного русского языка // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*, (4), 58–64.

Ожегов, С. И. (сост.) (1953). *Словарь русского языка*. М.: Госуд. изд-во иностр. и нац. словарей.

Ожегов, С. И., & Шведова, Н. Ю. (1994). *Толковый словарь русского языка*. М.: Азъ.

Самотик, Л. Г. (2012). «Чуждое» и «чужое» в толковых словарях русского языка // *Вопросы лексикографии*, (1), 95–103.

Семенец, О. П., & Башкова, Е. А. (2016). Лингвистические механизмы дискредитации религиозной лексики в толковом словаре, с. 74–78 В: В. Д. Черняк (отв. ред.) *Про-*

блемы формирования лингвокультурной компетенции. Сборник научных статей: Герценовские чтения – 2016, вып. 3. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена.

Стернин, И. А. (1985). *Лексическое значение слова в речи*. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та.

Тихонова, А. Н., & Яруллина, А. Ш. (2018). Англоязычные заимствования в экономической лексике русского языка // *Казанский вестник молодых ученых*, 2(3), 165–168.

Тлехатук, С. Р. (2017). Предметная область «Экономика»: интегративно-семиотический аспект. *Автореф. дисс. ... докт. филолог. наук*. Майкоп.

Уфимцева, Н. В. (2011). *Языковое сознание: динамика и вариативность*. М. – Калуга: Институт языкознания РАН.

Хан-Пира, Э. И. (1991). Язык власти и власть языка // *Вестник АН СССР*, (4), 12–25.

Шаховский, В. И. (2015). Меняющаяся картина мира в динамике языка и речи // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, (1), 7–19.

Andrews, E. (Ed.) (2011). *Legacies of Totalitarian Language in the Discourse Culture of the Post-Totalitarian Era: The Case of Eastern Europe, Russia, and China*. Lanham, Md.: Lexington Books.

Brue, S. L., & MacPhee, C. R. (1995). From Marx to markets: Reform of the university economics curriculum in Russia // *The Journal of Economic Education*, 26(2), 182–194.

Cabré-Castellvi, M. T. (2003). Theories of Terminology: Their description, prescription and explanation // *Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication*, 9(2), 163–199.

Hamilton, M. B. (1987). The Elements of the Concept of Ideology // *Political Studies*, 35, 18–38.

Lukin, A. (1999). Electoral democracy or electoral clanism? Russian democratization and theories of transition // *Demokratizatsiya*, 7(1), 93–110.

Melnichuk, M. V., & Osipova, V. M. (2016). The Role of Background Culture and Lexical Knowledge in Economic Translation // *International Electronic Journal of Mathematics Education*, 11(7), 2503–2514.

Mirzoyeva, L. (2014). Metaphorical economic terms: Problems of their translation from English into Russian // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 136, 169–174.

Mukharlyamova, L., Alendeev, S., & Ashrapova, A. (2016). Borrowed words in language teaching (on the economic term system of the Russian language in the XXI century) // *Journal of language and literature*, 7(2), 163–168.

Orwell, G. (2018). *Nineteen eighty-four (1984)*. Numitor Comun Publishing.

Rajewsky, A. (2000). *Changes in the Russian terminology of economic law since perestroika*. Verlag O. Sagner.

Ryazanova-Clarke, L., & Wade, T. (2002). *The Russian language today*. Routledge.

Yelenevskaya, M. N. (2006). Language as a Reflection of Ideology in Russia // *International Sociology*, 21(3), 359–370.

Zaripova, A. N., & Fominykh, A. D. (2015). Process of economic terms internationalization (by materials of the German, Russian and Tatar languages) // *Journal of Sustainable Development*, 8(4), 112.

REFERENCES

Aksyutenkova, L. G. (2008). Economic terminology as an aspect and means of conceptualization of the economic picture of the world: system-functional analysis. *Cultural life of the South of Russia*, (1), 107–108. (In Russian.)

Andrews, E. (Ed.) (2011). *Legacies of Totalitarian Language in the Discourse Culture of the Post-Totalitarian Era: The Case of Eastern Europe, Russia, and China*. Lanham, Md.: Lexington Books.

- Belyakova, N. S. (2017). Lexical and semantic fields of economic terms (by the material of the English academic text). *Ogarev-online* (<http://journal.mrsu.ru/arts/leksiko-semantichek-epolya-ekonomicheskix-terminov-na-materiale-angloyazychnogo-uchebno-akademicheskogo-teksta> – Access Date: 08.02.2019). (In Russian.)
- Borshchevskaya, T. S. (2012). Terms and terming in the lexico-semantic field «Management». *Abstract for a dissertation to fulfil the requirements for the degree of Cand. Sci. (Philology)*. Saint Petersburg. (In Russian.)
- Brue, S. L., & MacPhee, C. R. (1995). From Marx to markets: Reform of the university economics curriculum in Russia. *The Journal of Economic Education*, 26(2), 182–194.
- Cabr e-Castellvi, M. T. (2003). Theories of Terminology: Their description, prescription and explanation. *Terminology. International Journal of Theoretical and Applied Issues in Specialized Communication*, 9(2), 163–199.
- Hamilton, M. B. (1987). The Elements of the Concept of Ideology. *Political Studies*, 35, 18–38.
- Kamari, D. M. (2016). Lexical interference in the study of Spanish economic terminology by Russian-speaking persons. *Teacher of the XXI century*, (2-1), 218–223. (In Russian.)
- Karaulov, Y. N. (1972). Structure of lexico-semantic field. *Philological Sciences*, (1), 57–68. (In Russian.)
- Khan-Pira, E. I. (1991). Language of power and power of language. *Bulletin of the USSR*, (4), 12–25. (In Russian.)
- Korneyeva, A. Y. (2008). Active processes in the Russian economic terminology of the last decades. *Bulletin of the Russian University of peoples' friendship. Series: Education: Languages and Specialty*, (5), 54–63. (In Russian.)
- Kupina, N. A. (1995). *Totalitarian language: dictionary and speech reaction*. Yekaterinburg-Perm: Ural University Publishing House. (In Russian.)
- Kurenkova, T. N. (2006). Lexico-semantic field and other fields in modern linguistics. *Bulletin of Siberian state aerospace University named by academician M. F. Reshetnev*, (4), 173–178. (In Russian.)
- Lukin, A. (1999). Electoral democracy or electoral clanism? Russian democratization and theories of transition. *Demokratizatsiya*, 7(1), 93–110.
- Malkova, I. Y. (2016). Economic terms as an object of lexicographic description in the learning vocabulary for a foreign language. *Philological Sciences. Theory and practice*, (7-2), 129–131. (In Russian.)
- Melnichuk, M. V., & Osipova, V. M. (2016). The Role of Background Culture and Lexical Knowledge in Economic Translation. *International Electronic Journal of Mathematics Education*, 11(7), 2503–2514.
- Mirzoyeva, L. (2014). Metaphorical economic terms: Problems of their translation from English into Russian. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 136, 169–174.
- Mukharlyamova, L., Alendeev, S., & Ashrapova, A. (2016). Borrowed words in language teaching (on the economic term system of the Russian language in the XXI century). *Journal of language and literature*, 7(2), 163–168.
- Naidich, L. E. (1995). *Footprint in the sand: Essays on Russian language usage*. Saint Petersburg: Publishing house of St. Petersburg state University. (In Russian.)
- Nechay, Y. P., & Kondratyeva, T. S. (2014). The formation of economic terminology in the lexical system of modern Russian language. *The Bulletin of the Adyge State University, the series 2: Philology and the Arts*, (4), 58–64. (In Russian.)
- Orwell, G. (2018). *Nineteen eighty-four (1984)*. Numitor Comun Publishing.
- Ozhegov, S. I. (comp.) (1953). *Dictionary of the Russian language*. Moscow: State publishing house of foreign and national dictionaries. (In Russian.)
- Ozhegov, S. I., & Shvedova, N. Y. (1994). *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow: Az' Publ. (In Russian.)

Rajewsky, A. (2000). *Changes in the Russian terminology of economic law since perestroika*. Verlag O. Sagner.

Ryazanova-Clarke, L., & Wade, T. (2002). *The Russian language today*. Routledge.

Samotik, L. G. (2012). «Alien» and «foreign» in dictionaries of Russian language. *Problems of lexicography*, (1), 95–103. (In Russian.)

Semenets, O. P., & Bashkova, E. A. (2016). Linguistic mechanisms of discrediting religious vocabulary in the explanatory dictionary, pp. 74–78 / In: V. D. Chernyak (ed.) *Problems of forming linguistic and cultural competence. Proceedings of the Conference Herzen readings – 2016*, issue 3. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ. (In Russian.)

Shakhovskiy, V. I. (2015). Changing picture of the world in the dynamics of language and speech. *Herald of Volgograd State University. Series 2: Linguistics*, 1(25), 7–19. (In Russian.)

Sternin, I. A. (1985). *Lexical meaning of the word in speech*. Voronezh: Voronezh University Publishing House. (In Russian.)

Tikhonova, A. N., & Yarullina, A. S. (2018). English borrowings in the economic vocabulary of the Russian language. *Kazan Bulletin of Young Scientists*, 2(3), 165–168. (In Russian.)

Tlehatuk, S. R. (2017). The subject area «Economics»: an integrative semiotic aspect. *Abstract for a dissertation to fulfil the requirements for the degree of Doct. Sci. (Philology)*. Maikop. (In Russian.)

Ufimtseva, N. V. (2011). *Language consciousness: dynamics and variability*. Moscow – Kaluga: Institute for Linguistic Studies, RAS Publ. (In Russian.)

Yelenevskaya, M. N. (2006). Language as a Reflection of Ideology in Russia. *International Sociology*, 21(3), 359–370.

Zaitseva, T. N. (2010). Influence of social factors on language changes in the sphere of modern economic terminology. *Izvestiya MGTU «MAMI» [News of MSTU «MAMI»]*, (1), 232–234. (In Russian.)

Zaripova, A. N., & Akimova, O. V. (2013). Specificity of economic terminology (by the material of German, Russian, Tatar and English languages). *Bulletin of the Chuvash University*, (1), 148–152. (In Russian.)

Zaripova, A. N., & Fominykh, A. D. (2015). Process of economic terms internationalization (by materials of the German, Russian and Tatar languages). *Journal of Sustainable Development*, 8(4), 112.